

О независимости

Нынешний год для нашей страны в определенном смысле юбилейный. Первым официальным шагом к обретению независимости государства стало принятие ВС БССР 27 июля 1990 года Декларации о государственном суверенитете, а год спустя — 25 августа 1991 года — этот документ получил статус конституционного закона. За «круглым столом» в конференц-зале «СБ» собрались четверо специалистов — социолог, экономист, историк и политолог. Директор ЦСПИ БГУ Давид Ротман, заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики НАН Александр Лученок, директор Института истории НАН Вячеслав Данилович и руководитель Центра по проблемам европейской интеграции Юрий Шевцов вспоминали события четвертьвековой давности, пытаясь определить, как они отразились на нашей сегодняшней жизни.

«СБ»: Считается, что в 1991 году независимость нам чуть ли не с неба упала. Многие страны бывшего СССР к тому времени уже получили суверенитет — Россия, Украина, Грузия, Молдова. Так что для нас это был скорее вопрос технический. Как думаете, правильные ли тогда были приняты решения?

В.Данилович: События 25-летней давности — это следствие очень сложной социально-экономической ситуации, которая сложилась в результате политики перестройки в Советском Союзе. Курс, который изначально задумывался как возможность укрепить государство, модернизировать его, в результате привел к краху большой страны. Когда говоришь о тех событиях, следует помнить: перед развалом СССР состоялись референдумы, на которых большинство населения выступало за сохранение Союза. Однако политическая ситуация сложилась таким образом, что когда в Беловежской пуще было подписано соглашение о денонсации договора о СССР и создании Содружества Независимых Государств,

то, по сути дела, воля большинства народа была просто проигнорирована. Судить сложно, почему случилось именно так, видимо, таким образом сложились некие политические обстоятельства. Вспоминаю себя в то время. Я был совсем молодым человеком, только-только поступил в университет, и для меня то, что происходило вокруг, было абсолютно непонятным. Была растерянность и неуверенность в завтрашнем дне. Такие эмоции, полагаю, испытывало большинство бывших советских граждан.

С одной стороны, шла активная пропаганда, что Беларуси пора стать независимой, следует отбросить любые связи с бывшими партнерами по СССР и начинать жить своим умом. А другая точка зрения предполагала не отрезать разом все контакты, а пытаться наладить отношения со странами СНГ. Вы же знаете, что Беларусь была сборочным цехом СССР, и наша экономическая составляющая была сильнейшим образом завязана на других союзных республиках. Мы от развала СССР проигрывали в экономическом плане от утраты связей как ни одна другая страна. На нашей территории осталась мощная промышленность, но что с ней будет и как дальше станет развиваться ситуация, было непонятно.

В 1991 году Декларация о суверенитете получила законную силу, и с этого момента началось формирование независимого белорусского государства. Я как историк считаю, что мы начинали свой путь в сложнейших социально-экономических и общественно-политических условиях. Мы могли потерять вообще все и прийти к полному краху — политическому и экономическому. Главная заслуга белорусского народа, руководства страны и лично Президента Александра Лукашенко в том, что в этой непростой ситуации в первые годы независимости удалось найти верное

решение. Сегодня мы живем в независимом, суверенном государстве, государстве для народа, которое проводит социально ориентированную политику с максимальным учетом интересов людей, которые живут в государстве. Держаться России тоже было правильным выбором. Нас много раз звали на Запад, но на прямой вопрос, готовы ли западные государства предоставить те ресурсы, которые мы потеряли бы в случае разворота от России, ответа никогда не было.

Ю.Шевцов: В отличие от многих союзных республик в Беларуси к 1991 году внутренние предпосылки к тому, чтобы добиваться полной независимости от СССР, не вызрели. И поэтому для нас развал СССР оказался болезненным — ни наш народ, ни государство в целом, ни экономика, ни культура к этому не были готовы. В отличие от других союзных республик в Беларуси не сформировалось и своего рода этнического кланового общества, как, например, в странах Средней Азии или в Закавказье. Поэтому для нас еще на первом этапе возникла проблема, на какой основе формировать новую идентичность. Среднеазиатские республики достаточно быстро

сгруппировались вокруг своих этнических или клановых структур, а нам пришлось искать свой путь. К тому же в отличие от Москвы, Ленинграда и других крупных городов СССР в Беларуси не сформировалось развитого сообщества антисоветски настроенных людей. Поэтому быстро сформировать новую идеологию на базе какого-нибудь абстрактного антисоветизма, как это было в мегаполисах России, было тоже невозможно. Так что, соглашусь с Вячеславом Даниловичем, мы все стояли на грани огромного коллапса. Здесь все могло дымиться и полыхать, и к этому все шло. Помните выступления рабочих, блокады железных дорог? Были в нашей новейшей истории такие тревожные эпизоды. Поэтому мне кажется, что тот путь, который Беларусь нащупала к 1994 году, был естественным. Это, по сути, была консолидация вокруг одного лидера — харизматичного и молодого, который выдвинул программу если не восстановления СССР, то, по крайней мере, чего-то наподобие этого. Для нашего общества на тот момент это казалось естественным, хотя даже сама Россия к такому не была готова.

Д.Ротман: В 1987 году, когда началась перестройка, уже ощущался некий дискомфорт на постсоветском пространстве — противостояние населения по разным поводам. Социологи эти настроения фиксировали и неоднократно сообщали об этом представителям органов государственного управления в Москве. Все это выслушивалось и, к нашему большому удивлению, не принималось во внимание. Например, когда мы провели исследование по межнациональным отношениям и по их результатам стало очевидным, насколько некоторые нации негативно относятся к другим, почему-то реакции на эту социологическую информацию не было. Никто даже не задумывался о том, что существуют некие законы функционирования политического поля. У меня такое ощущение, что власть в СССР совершенно не учитывала, что происходит качение к краю пропасти. Шла какая-то конъюнктурная возня, чиновники занимались пиаром и показухой, а главными вопросами попросту пренебрегали. Есть так называемый закон маятника: пока он жестко удерживается в крайнем положении, существует определенный порядок, но когда в силу разных причин его отпускают, то он резко переходит в противоположную позицию, и ситуация становится неуправляемой. В этом случае задача власти — всеми силами сохранять страну. А именно об этом почему-то никто не думал.

Референдум, который проводился за полгода до распада СССР, когда люди сказали «нет», никто на это даже не обратил внимания. Я не должен такого говорить,

но бывает, что общественное мнение иногда заблуждается. Ровно через сутки после того, как в Вискулях был подписан договор, Станислав Шушкевич пригласил меня и попросил провести исследование по территории России, Украины и Беларуси — стран, которые инициировали этот распад, — на предмет общественных настроений. Мы совместно с коллегами по программе «Общественное мнение» Гособразования СССР оперативно провели опрос, и знаете, что он показал? Что большинство граждан одобряет ликвидацию Союза и считает, что в Вискулях все было сделано правильно. Самое интересное другое: прошел всего год, снова мы провели опрос — и получили абсолютно противоположный результат. Проблема была в том, что разъяснительная работа проводилась плохо, власть не проявляла прямой заинтересованности в сохранении страны, и получилось так, как получилось. Кроме того, у Горбачева был очень мощный противовес — Ельцин. Я близко с ними не общался, но, по-моему, там была взаимная ненависть друг к другу. Были зависть и стремление занять пост.

Теперь давайте вспомним, какими были годы горбачевской перестройки. Толпы людей шли на площадь Ленина протестовать, и все эти выступления были по экономическим причинам. Наша страна была одной из самых развитых в СССР в экономике, но мы всегда зависели от общего рынка. Как только огромная страна распалась, у нас начались проблемы. Долгое время все было неопределенным, пока не сформировалась власть, которая могла поддерживать порядок и осуществлять продуманные действия. В 1994 году Александр Лукашенко победил на президентских выборах, в 1996-м мы утвердились в направлениях своего развития. Мы сохранились без каких-то противостояний, без каких-то внутренних противоречий, без войны, религиозных и этнических трений и без наглого разворовывания страны.

Опросы показывают, что сейчас у старшего поколения сохраняется ностальгия по СССР. Люди помладше к этому относятся поспокойнее, но в целом евразийская интеграция обществом поддерживается.

А.Лученок: Сейчас о том периоде пишут много мемуаров. Читаешь их — и создается впечатление, что экономику Советского Союза разваливали целенаправленно. Серьезную роль в этом сыграло совсем не случайное резкое снижение цен на нефть, в результате чего доходы СССР от этой статьи экспорта значительно упали. Кроме того, была подсунута идея антиалкогольной кампании, от которой серьезно пострадал бюджет страны. Началась резкая разбалансировка доходов и расходов, и экономика мощнейшей державы пошатнулась. Причем меры по разваливанию страны были комплексные. Когда ставится задача сломать государство, то его

ломают во всех сферах: в политике, экономике и идеологии. Поэтому для гарантированного разрушения советской экономики навязали и соответствующих идеологов — сторонников рыночного капитализма. Эти реформаторы убеждали: после нескольких лет рыночных реформ будем жить, как в ФРГ или США! Примерно то же говорят сегодня рыночные преобразователи в Беларуси, хотя западные, российские и белорусские исследователи уже доказали, что слом сложившейся институциональной модели ведет к многолетнему кризису. Так случилось в России, но не произошло в Беларуси. У нас вовремя поняли, что резких движений делать нельзя, и получение независимости позволило нам сохранить объемы производства, поддержать уровень жизни населения и достаточно долгий период времени существовать более-менее благополучно.

«СБ»: Пятое Всебелорусское народное собрание подводит итоги прошлой пятилетки и утверждает планы на нынешнюю. А можно ли подвести какой-то итог последних 25 лет? Что вы считаете основным достижением Беларуси за этот период?

А.Лученок: С учетом того, что мы — страна небольшая и полезных ископаемых у нас мало, главное наше достижение — это то, что нам удавалось в течение 25 лет поддерживать уровень жизни населения на достаточно высоком уровне. Пришло время реформ, но не по рецептам либералов. Мне кажется, что с точки зрения защиты национальных интересов и поддержки населения лучше всего подходит китайский вариант реформирования, поскольку у нас с ними аналогичные институциональные матрицы. То есть рыночные отношения нужно внедрять, но под контролем государства. По-моему, должен быть актуален лозунг: не государство для рынка, а рынок для государства. Можно и перефразировать: не население для рынка, а рынок для населения.

В.Данилович: Самое главное наше достижение — то, что мы живем в современном независимом государстве со своей эффективной социально-экономической и общественно-политической моделью, которая доказала свою жизнеспособность. Тут правильно коллеги говорят: ничего закостенелого не бывает. Необходимо двигаться вперед, нужна модернизация. Тем не менее те 25 лет, которые прошли, показали верность выбранного пути и у нас в стране есть чем гордиться. Прежде всего тем, что у нас мир и порядок, люди по улицам в темное время суток пройти не боятся. Это дорогого стоит. У нас есть достижения и в других сферах — в IT-технологиях, мы создали 450-тонный карьерный самосвал БелАЗ, недавно стали космической державой. Немало позитива и в сельском хозяйстве — вспомните хотя бы агрогородки. Целый ряд достижений имеется в научной сфере. Кстати, мы, по сути дела, вступили в клуб антарктических держав — уже создана белорусская антарктическая станция. Все это сделано в нашей независимой Беларуси.

Д.Ротман: Очень важно, чтобы мы не просто сохранили свой суверенитет и независимость. Наша страна осуществляет многовекторную политику, стремясь иметь хорошие, партнерские отношения со многими странами мира. Мы все больше завоевываем авторитет как страна, которая выступает площадкой для мирных переговоров.

Ю.Шевцов: За последние 10 — 15 лет у нас произошло становление всех институтов независимого государства. У нас произошла адаптация экономики к новым условиям, в которых мы находимся, и вот здесь я согласен с тем, что нам обеспечила выживание консервативная, а не либеральная программа. И вот за счет ее мы в отличие от всех соседей вокруг не только избежали разрушительных политических кризисов, а мы еще и сохранили численность населения. Мы сохранили гораздо более высокую степень суверенитета, даже большую, чем имеют страны, вошедшие в состав Евросоюза. Мы сохранили промышленный комплекс, и сегодня нет в нашем регионе более развитых в индустриальном отношении стран, чем Беларусь.

Сейчас в Беларуси начался переход к новой стадии развития, этот переход характеризуется не только консервативной программой выживания в условиях постсоветского кризиса, а у нас появились новые точки роста на будущее, которые будут определять наше лицо в течение ближайших лет двадцати. Это, к примеру, БелАЭС, которая после введения в эксплуатацию не только полностью перераспределит энергобаланс страны, но и произведет полную смену геополитики. Второе — это Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень». Если он будет построен в том виде, в каком запланирован, мне даже сложно переоценить его значение для нашей экономики. Третий пункт — модернизация промышленности, которая уже идет. В случае успеха она дает нам шанс на то, что мы сохраним свое

Источник: “Советская Белоруссия” — 2016-06-21

индустриальное лицо в новую эпоху. И еще одна важная точка роста — новая геополитическая роль, которую сыграл и играет Минск в диалоге по украинскому кризису, вообще в общеевропейском диалоге.